

Сато Наотакэ: путь дипломата

О.А. Добринская

Статья посвящена биографии Сато Наотакэ, видного японского дипломата и государственного деятеля. В России он больше известен как последний посол милитаристской Японии в СССР, однако его деятельность имеет гораздо больший масштаб. Н. Сато стал свидетелем наиболее драматичного периода японской истории, принимая участие во многих международных событиях, определивших развитие Японии до 1945 г.

Ключевые слова: Сато Наотакэ, дипломатия, Япония, Россия, СССР, Лига наций, Вторая мировая война.

Судьба Сато Наотакэ неразрывно связана с Россией и Советским Союзом. В Петербурге он начал свою заграничную карьеру молодым атташе, а через много лет завершил ее послом в Москве, приняв ноту об объявлении Советским Союзом войны. Имя Н. Сато известно в России, прежде всего, как последнего посла милитаристской Японии в СССР, однако его дипломатическая и политическая деятельность гораздо шире и многогранней, о чём и хотелось бы рассказать в этой статье.

Детство и юность: от Танака к Сато

История семьи, в которой в 1882 г. родился Танака (Сато) Наотакэ, восходит корнями к самурайскому клану Цугару из префектуры Аомори. Согласно семейному преданию, в период Тэнсё (1573–1586) родоначальник рода, Танака Тарогоро, пожертвовал жизнью ради своего хозяина Цугару Тамэнобу. В благодарность за это хозяин посмертно присвоил ему звание «Соуэмон» (охранник правых ворот), а его потомки из поколения в поколение продолжили быть вассалами Цугару вплоть до реставрации Мэйдзи.

Отец Наотакэ – Танака Конроку, наряду с самурайским и западным образованием (Рангаку), также учил русский язык у православного священника отца Николая в Хакодате (предположительно, это был Николай Касаткин). К. Танака даже собирался поехать учиться в Россию, однако его планы нарушила гражданская война годов Босин, в которой он принял участие. После войны Танака-старший поступил на службу в полицию, где и занимал высокие посты в разных префектурах.

В 1903 г. Танака Наотакэ был усыновлен семьей Сато Ёсимаро, давнего друга семьи Танака. Поскольку в семье Сато не было наследника по мужской линии, Танака Наотакэ по

настоянию родного отца принял новую фамилию, а в январе 1906 г. женился на дочери Сато Ёсимаро – Фуми.

Сато Ёсимаро всю жизнь проработал в Министерстве иностранных дел, где дослужился до высоких постов, в том числе был послом в США. Он и посоветовал Наотакэ сдать экзамены на дипломатическую службу. Юноша без особого энтузиазма отнёсся к идее работать в министерстве, поскольку был нацелен на карьеру в бизнесе, для чего после школы поступил в Токийскую высшую школу коммерции (сейчас это университет Хитоцубаси). Тем не менее, он согласился с мнением отца и сдал экзамены для поступления на дипломатическую и консульскую службу, пройдя строгий отбор, который определялся сложностью экзаменов и небольшим числом вакансий: до начала Первой мировой войны ежегодно в МИД поступало около 7 человек. Среди тех, кто поступил в МИД почти одновременно с Н. Сато, были Мацуока Ёсукэ, Хирота Коки и Ёсида Сигэру.

Первая командировка: из Санкт-Петербурга в Харбин. Знакомство с Россией

Первым назначением молодого дипломата стала недавно открытая японская миссия в России. В марте 1906 г. Н. Сато прибыл в Санкт-Петербург, где и провёл восемь с половиной лет. Н. Сато был помощником временного поверенного, а затем посла Японии в России Мотоно Итиро.

По воспоминаниям современников, Н. Сато был любимым учеником И. Мотоно и повсюду сопровождал его [10, р. 25]. Личность и образование И. Мотоно, искусного и космополитичного дипломата, обладавшего хорошими манерами, получившего образование во Франции и женатого на француженке, позволили ему успешно вписаться в жизнь российского высшего общества и добиться успеха в налаживании дипломатических связей. Сам Н. Сато вспоминал работу с И. Мотоно как бесценный профессиональный и человеческий опыт.

В Петербурге Н. Сато брал частные уроки русского языка и французского, который в то время фактически был вторым языком в стране, на котором разговаривали в свете, и прекрасно овладел этими языками. В будущем его жизнь будет не раз связана и с Россией, и с Францией, а со временем он приобретёт репутацию франкофила.

В России Н. Сато дослужился до второго секретаря посольства, а в сентябре 1914 г. он был переведён на консульскую работу в Харбин, где с июня 1917 г. стал генеральным консулом. В Харбине в то время проживало 3–4 тыс. японцев, атмосфера царил гармоничная, поэтому до революции работа Н. Сато была достаточно спокойной. Пригодился ему и русский язык, поскольку около 40 % населения Харбина были русскими. Город являлся административным центром КВЖД, он был основан русскими в 1898 г. и считался протекторатом России, несмотря на формальную принадлежность Китаю. По наблюдениям Н. Сато, хотя большинство жителей были китайцами, русские обладали военным и правительственным контролем, поэтому российское влияние в Харбине было таким же, как в настоящем российском городе [4, р. 116].

Ситуация в Харбине стала стремительно меняться после Октябрьской революции 1917 г., по мере того как влияние большевиков постепенно распространялось до Урала. Это вызывало тревогу у японцев, которые не только опасались распространения революции на Дальний Восток, но и инвестировали значительные средства в правительственные облигации царского правительства, а также вели торговлю с царской Россией.

Н. Сато был одним из тех, кто призывал к скорейшей интервенции Японии на Дальнем Востоке. Уже 6 декабря 1917 г., обеспокоенный сложившейся ситуацией, он писал в телеграмме посланнику Г. Хаяси в Пекин о возможной необходимости отправки в Маньчжурию японских войск. Н. Сато неоднократно настаивал на интервенции, в том числе телеграфировал непосредственно своему бывшему начальнику, главе МИД И. Мотоно, о необходимости направить японские войска в помощь китайским для противодействия большевикам. Н. Сато опасался, что Германия воспользуется ситуацией, захватит богатства Сибири и не допустит к ним Японию. Поэтому для поддержания баланса сил в Азии Японии необходимо взять на себя инициативу в осуществлении интервенции [13, р. 50]. К тому времени как японское правительство приняло решение об отправке войск, Н. Сато считал вооруженное вмешательство уже запоздалым и бесполезным [4, р. 129].

Одновременно Н. Сато занимался поиском кандидата, способного организовать антиреволюционное народное движение. В начале февраля 1918 г. он имел встречи с генералом В. Доманевским, затем вёл переговоры с атаманом Г. Семёновым, обратившимся с просьбой о военной помощи. Японцы считали, что при Семёнове Забайкалье могло бы стать стратегической базой и барьером против большевизма. Н. Сато призывал Центр немедленно оказать помощь Семёнову [13, р. 52]. Помимо этого он зондировал возможность договориться с управляющим КВЖД генералом Д. Хорватом, предлагая оказать содействие оружием и войсками численностью в 15–17 тыс. человек для помощи в организации нового правительства, однако тот отказался.

В ноябре 1918-го, после того как А. Колчак стал Верховным Правителем Российского государства, Н. Сато было предписано отправиться в Омск, где он провел почти 4 месяца. По воспоминаниям дипломата, А. Колчак в основном полагался на помощь со стороны Великобритании, США, Франции, и у дипломата создалось впечатление, что японская помощь ему не особенно была нужна [4, р. 130]. По возвращении в Харбин Н. Сато отправил телеграмму министру иностранных дел К. Утида, в которой выступал за проведение в Сибири активной политики, выгодной и России, и союзникам. Он предлагал по возможности отказаться от использования военной силы и сосредоточиться на экономических мерах по восстановлению России. По мнению генконсула, союзники должны были отвести войска из Западной Сибири, а проблемы следовало решать путём переговоров. Н. Сато настаивал на необходимости поддерживать единство России, выступая против территориальных амбиций некоторых своих соотечественников [10, р. 59].

Таким образом, уже вскоре Н. Сато начал приходить к мысли о том, что Японии следует отказаться от политики силы в отношении России. Впоследствии он укрепит в таких взглядах и станет известен как сторонник интернационализма и открытого экономического сотрудничества.

Годы в Европе

Значительная часть биографии Н. Сато связана с его работой в Европе. После окончания службы в Харбине он был направлен первым секретарём в Берн, откуда в апреле 1921 г. переехал в Париж, став правой рукой посла К. Исии. До Франции К. Исии уже побывал послом в США и министром иностранных дел, так что его назначение в Париж показывало, какую важность японское правительство придавало этой точке. Среди молодых дипломатов, работавших с Н. Сато в Париже, были будущий премьер-министр Х. Асида, М. Тани, впоследствии возглавлявший Министерство иностранных дел и дипломатическую миссию в Китае, будущий посол в Париже М. Като.

Япония, после Первой мировой войны вошедшая в число победителей, принимала активное участие в формировании новой системы международных отношений. В 1919 г. Страна восходящего солнца вошла в Лигу наций. Она была представлена, по крайней мере, на 10 международных конференциях, состоявшихся в период с 1920 по 1923 г.

Деятельность Н. Сато на поприще международных конференций сыграла немаловажную роль в его дальнейшей карьере. За время работы в Европе он не только приобрёл широкий круг знакомств, но и создал себе в европейских кругах репутацию первоклассного специалиста в многосторонней дипломатии и даже, по воспоминаниям современников, считался «величайшим японским экспертом по конференциям». Уже в начале 1920-х годов имя Н. Сато было связано с важнейшими международными мероприятиями, проходившими в Генуе, Лозанне, Гааге.

По воспоминаниям Н. Сато, именно в это время он стал проникаться симпатией к молодому советскому государству. В частности, на японского дипломата произвела сильное впечатление речь Г. Чичерина на Генуэзской конференции, его красноречие и умелое владение иностранными языками. И хотя Япония признала СССР только через несколько лет после этой конференции, Н. Сато уже тогда стал одним из сторонников скорейшего налаживания отношений с Москвой [4, p. 162].

В конце августа 1923 г. Н. Сато был назначен посланником в Варшаву. Польша недавно получила независимость, её отношения с Японией были дружескими, между ними отсутствовали сложные проблемы, поэтому и командировка Н. Сато была приятной и спокойной. К этому времени отношение Токио к северному соседу стало меняться, и в январе 1925 г. между Японией и СССР были установлены дипломатические отношения. Открывать новое посольство в Москве поручили Н. Сато, специально вызвав его из Польши. В марте 1925 г. он прибыл в Москву, где провёл четыре месяца, занимаясь организационными вопросами, в том числе поиском подходящего здания для посольства. Первая японская дипломатическая миссия в СССР разместилась по адресу «Большая Никитская, д. 43», в доме, где якобы когда-то жил генерал А. Суворов.

Дипломатическая служба в Европе сделала Н. Сато свидетелем и участником ключевых событий внешнеполитической жизни Японии. Неудивительно, что именно ему в начале 1926 г. предложили возглавить представительство Японии при Лиге наций. Первоначально Н. Сато отказался, потому что ему больше импонировала идея уехать в какое-нибудь «нецивилизованное» место. Он уже давно мечтал поработать в Южной Америке, хотя в

градации МИД она считалась почётным местом ссылки. Только вняв настоятельным рекомендациям отца, дипломат согласился на предложенный пост.

Н. Сато представлял Японию при Лиге наций с января 1927 по декабрь 1930 г. Он принимал участие в важнейших многосторонних мероприятиях того времени, таких, как Женевская морская конференция, Лондонская конференция по ограничению морских вооружений и др. Продолжал участвовать в работе Лиги наций и после назначения послом в Бельгии в декабре 1930 г.

В это время военные авантюры Токио набирали силу, продвижение японских войск в Китай вызывало международный резонанс. С трибуны Лиги наций Н. Сато неоднократно приходилось доказывать, что действия Японии направлены на восстановление порядка в Китае, однако он всё острее ощущал усиливающуюся международную изоляцию страны и фактически в одиночестве противостоял зарубежным дипломатам. Интервенция в Маньчжурии и образование Маньчжоу-го в марте 1932 г., в конечном счёте привели к разрыву Японии с Лигой наций. В 1933 г. Н. Сато вместе С. Нагаока был в составе возглавляемой Ё. Мацуока делегации на заседаниях Лиги наций, когда там обсуждался доклад комиссии Литтона, признавший образование Маньчжоу-го нарушением Договора девяти держав. Следуя инструкциям из Токио, Ё. Мацуока объявил о выходе Японии из этой организации. Н. Сато, С. Нагаока и сам Ё. Мацуока восприняли невозможность отстоять свою позицию по Маньчжоу-го и выход из Лиги наций как дипломатический провал, в то время как военная часть делегации, напротив, торжествовала [15, р. 220]. Большинство японцев поддерживали развитие событий в Маньчжурии и жёсткую дипломатическую линию Токио, пресса восторженно отзывалась об успехах японской дипломатии, а Ё. Мацуока встречали на родине как героя. Сам Н. Сато не ставил под сомнение правомерность японских интересов в Маньчжоу-го, однако выход Японии из Лиги наций считал достойным сожаления событием, не только усугубившим её международную изоляцию, но и повлиявшим на дальнейшую судьбу самой организации [4, р. 286].

Дипломатическую службу Н. Сато продолжил во Франции, когда в 1933 г. был назначен послом в Париже. Во Франции Н. Сато принял у себя своего племянника Маэкава Кунио, в будущем – известного архитектора, оказал помощь в организации его стажировки у легендарного Ле Корбюзье. Н. Сато, великолепно владевший французским языком, интересующийся искусством, культурой, активно участвующий в светских раутах, пользовался симпатией и уважением среди европейских коллег.

За годы работы в Европе Н. Сато побывал почти во всех ключевых точках и участвовал в важнейших дипломатических событиях того времени. Однако, несмотря на дальнейшие карьерные перспективы, он надеялся по окончании командировки во Францию в январе 1937 г. уйти со службы и посвятить себя научной деятельности. События на Дальнем Востоке убедили его в ошибочности силовой политики в отношении Китая. Со временем он стал приходить к выводу о том, что в интересах Японии развивать международное сотрудничество и вести переговоры с другими странами, а не пытаться обеспечить свои интересы военными методами.

На посту министра иностранных дел

Время возвращения Н. Сато из Парижа совпало с очередной сменой правительства в Токио. Политический кризис в январе 1937 г. привел к отставке кабинета К. Хирота, известного жёсткой позицией в отношении Китая и антикоммунизмом. Новый кабинет было поручено возглавить генералу С. Хаяси. Кандидатура Н. Сато, как раз завершившего командировку во Франции, оказалась подходящей на пост министра иностранных дел нового кабинета. Дипломат сначала не поверил в новость о своём назначении, полагая, что 31 год, проведённый в командировках, не позволяет считать его знатоком всех тонкостей внутривнутриполитической ситуации. Согласился на этот пост он при условии, что ему позволят продвигать свои политические взгляды. Основные идеи Н. Сато заключались в том, что Японии следует выступать с позиций пацифизма и международного сотрудничества; стремиться разрешить конфликт с Китаем путём переговоров на равных; поддерживать дружеские отношения с СССР, а также улучшать отношения с Великобританией [3, с. 4].

Назначение Н. Сато, слывшего либералом, означало если не поворот, то, по крайней мере, некоторое отступление от прежней внешнеполитической линии. Главной задачей нового министра было смягчение негативных для Японии последствий Антикоминтерновского пакта, значение которого он старался если не преуменьшить, то, по крайней мере, не акцентировать. Уже первые речи Н. Сато были отмечены подчёркнутой доброжелательностью в отношении США и Великобритании, и даже СССР, насколько позволяла ситуация [2, р. 194].

Выступая в парламенте, Н. Сато неодобрительно высказался по поводу Антикоминтерновского пакта, считая, что Германия выиграла больше Японии от его подписания. В Берлине с тревогой восприняли речь Н. Сато, в которой пакт был назван «неизбежным злом», и говорилось, что в лучшем случае он был вызван техническими соображениями и носит полицейский характер ввиду существования Коминтерна. В беседе с германским послом Н. Сато отмечал, что «Антикоминтерновский пакт ухудшил русско-японские отношения и сделал невозможным подписание рыболовного соглашения» [6, р. 143].

Главный вектор развития японской внешней политики Н. Сато видел в участии в открытой экономической международной системе, в рамках которой страна может развивать индустриализацию и экспортную торговлю. Этим он отличался от тех, кто выступал за самодостаточность во внешней политике и поддерживал курс на военную экспансию [12, р. 37].

Прогрессивные взгляды Н. Сато приветствовались в англосаксонском мире, где их даже именовали «новым курсом» («new deal») в японской дипломатии. Если Англия и США позитивно восприняли дипломатию Н. Сато, то у Китая она не вызвала энтузиазма. Нанкинское правительство не демонстрировало особого расположения по отношению к новому умеренному политическому курсу Токио.

Сдержанной была и реакция Кремля, оценившего примирительный характер инициатив нового министра, однако не скрывавшего своего разочарования. Н. Сато считал, что существование Коминтерна является препятствием на пути улучшения японо-советских

отношений, однако, как соседу, Японии следует прилагать максимум усилий для решения проблем с СССР. В Москве заявили, что отношения не улучшатся, пока Япония не откажется от антикоминтерновского соглашения.

Неоднозначным было отношение к дипломатии Н. Сато и внутри страны. Его речи были восприняты многими как критика предыдущего курса, и ещё долгое время он подвергался нападкам за формулировки, которые высказывал в своих парламентских выступлениях. Высказывались опасения, что его примирительная дипломатия приведёт к непониманию японской политики в Китае, особенно в отношении Маньчжоу-го. В то время как Н. Сато предлагал отказаться от попыток отторгнуть от Китая северные провинции и выступал за территориальную целостность Китая, он не подвергал сомнению правомерность существования Маньчжоу-го, однако некоторые политики видели в его словах угрозу положению, сложившемуся в Маньчжурии.

Стремительное падение кабинета С. Хаяси в мае 1937 г. не позволило Н. Сато в полной мере реализовать свою внешнеполитическую программу, а его начинания вскоре были свёрнуты. В политике доминировали правые и военные, которые обвиняли Н. Сато в слабости и нерешительности, считали его взгляды излишне либеральными.

Покинув пост министра иностранных дел, Н. Сато продолжил работать в качестве советника по дипломатическим вопросам, в том числе консультировал министра иностранных дел С. Того. Его продолжали привлекать для выполнения особо важных и требующих деликатного подхода дипломатических миссий. Такой миссией стала поездка в Италию и Германию летом 1940 г., связанная с инициативой Японии по возобновлению прерванных в августе 1939 г. переговоров об усилении Антикоминтерновского пакта. В качестве спецпредставителя Н. Сато отправился в Рим и Берлин, чтобы выяснить положение дел в Европе и прозондировать намерения лидеров фашистских государств. Переговоры Н. Сато стали частью дипломатических усилий, приведших к подписанию в сентябре 1940 г. Тройственного пакта, оформившего военный союз трёх стран.

Посол в СССР

С началом Второй мировой войны дипломатический талант Н. Сато вновь оказался востребованным. В то время как Япония, Германия и Италия объявили войну США, Советский Союз присоединился к Декларации объединённых наций, провозглашённой США и Великобританией в январе 1942 г. Таким образом, стороны фактически находились в противоборствующих лагерях, но при этом были связаны Пактом о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.

На первом этапе войны Япония сосредоточилась на «южном направлении», заняв выжидательную позицию в отношении военных действий против СССР. Япония вела подготовку к войне с Советским Союзом, однако откладывала время вступления в войну, проявляя осторожность в связи с поражениями немцев на советском фронте зимой 1941–1942 гг.

В январе 1942 г. на координационном совещании ставки и правительства была поставлена задача поддержания нормальных отношений между СССР и Японией,

предотвращения укрепления отношений между СССР, с одной стороны, и Англией и США – с другой [11, р. 19]. Для выполнения этой задачи в марте 1942 г. в СССР и был направлен послом Н. Сато, сменивший генерала Ё. Татэкава, известного своими прогерманскими взглядами и предсказывавшего скорую победу Германии над СССР. Назначение Н. Сато, опытного профессионального дипломата, выступавшего за сохранение пакта, свидетельствовало о преобладании умеренных взглядов в отношении СССР. Оно представляло собой компромисс между теми, кто не верил в победу Германии и выступал за посредничество в мирном урегулировании между Москвой и Берлином, чтобы Германия смогла сосредоточить все свои силы на войне с англо-американским блоком, и военными, рассчитывающими на победу Гитлера, которая позволила бы Японии захватить восточные районы СССР.

Н. Сато считал, что Япония должна быть предельно осторожна и не нападать на СССР или не делать ничего, что поставит под угрозу отношения с Москвой. В качестве посланника Н. Сато позвал с собой старого друга Г. Морисима, давнего противника японо-германского сближения, вынужденного из-за своих взглядов уйти из МИД при Ё. Мацуока. Дипломатам была дана инструкция: добиваться строгого соблюдения СССР Пакта о нейтралитете, ограничиваясь повседневной текущей работой [8, р. 144].

Ещё в ноябре 1941 г. на координационном совещании ставки и правительства обсуждалась возможность привлечения СССР на сторону держав «оси» путём посредничества в заключении мира между ним и Германией [8, р. 140]. И хотя в марте под влиянием германских побед это решение было пересмотрено, министр иностранных дел С. Того продолжал отстаивать необходимость содействия советско-германскому миру. Летом 1942 г. С. Того поручил Н. Сато, который со всем дипкорпусом находился в эвакуации в Куйбышеве, периодически наезжать в Москву, использовать вопрос новой рыболовной конвенции и другие вопросы как возможности для поднятия темы мира, готовить почву для того, чтобы по получении соответствующих инструкций немедленно приступить к посредническим функциям. Н. Сато сообщил, что он уверен в возможности поддерживать нейтральные отношения между Японией и СССР, однако не видел возможностей посредничать в установлении мира между СССР и Германией. По словам С. Того, ему удалось переубедить Н. Сато, подчёркивая необходимость для Японии сделать всё возможное для установления мира между Германией и Россией [7, р. 295–396].

В июле 1942 г. Япония отклонила просьбу Германии о проведении совместных операций против СССР, тогда же Генштаб согласился на более независимый от Германии курс, позволив С. Того инициировать мирные усилия. В сентябре 1942 г. С. Того ушёл в отставку в знак протеста против создания Министерства по делам Великой Восточной Азии, и в миротворческих усилиях была объявлена пауза.

В то же время разгром немцев под Сталинградом окончательно похоронил надежды на использование благоприятной ситуации для нападения на Советский Союз. Сама Япония к концу 1942 г. столкнулась с трудностями в ходе тихоокеанской войны, начало чему положило поражение в битве у атолла Мидуэй в июне 1942 г.

В декабре 1942 г., обеспокоенный ухудшающейся ситуацией, Н. Сато направил Г. Морисима в Токио, чтобы информировать о неотложной ситуации и необходимости принятия мер по улучшению отношений с Советским Союзом. В послании, переданном с

Г. Морисима, Н. Сато писал, что в связи с ухудшением военного положения и поражением Германии в Сталинградской битве перспективы тотальной победы Германии на советском фронте исчезли. Советское контрнаступление усилится и приведёт к оттеснению немецких войск за пределы советской территории. Японии следует закрепить позиции на Тихом океане, чтобы говорить с США и Великобританией с позиции силы. Первым шагом к миру, по мнению Н. Сато, должно было стать улучшение отношений с СССР. В дальнейших телеграммах, адресованных министру иностранных дел М. Тани, Н. Сато писал, что Японии следует вернуть нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине в качестве мирного жеста и компромисса для улучшения советско-японских отношений [10, р. 251]. М. Тани заинтересовался предложениями Н. Сато, однако в связи со сменой главы МИД в апреле 1943 г. эти предложения не получили должного развития, и миссия Г. Морисима оказалась безрезультатной.

К предложениям Н. Сато вернулись позже, когда дальнейший ход войны потребовал от Японии новых шагов, направленных на сближение с Советским Союзом. 19 июня 1943 г. на заседании правительства и имперского генерального штаба был одобрен документ «Вопросы политики в отношении СССР». Вместо японского посредничества в достижении мира между СССР и Германией он предлагал стабилизацию двусторонних отношений и обеспечение «мира на севере» посредством решения дряхлых годами проблем, таких, как судьба нефтяных и угольных концессий на севере Сахалина и вопросы рыболовства [11, р. 20].

Обещание вернуть СССР японские концессии на Северном Сахалине содержалось в секретном послании Ё. Мацуока, сопровождавшем Пакт о нейтралитете, однако разразившаяся война привела к тому, что обещание было отложено в «долгий ящик», а советская сторона не настаивала на разрешении этого вопроса, поскольку опасалась японского нападения на СССР [5, р. 171]. В июне 1943 г., по мере изменения соотношения сил, СССР вновь вернулся к судьбе концессий, ставя вопрос более жёстко. На этот раз японская сторона вынуждена была пойти на уступки и признать обоснованность советских требований, поскольку игнорирование обещания Ё. Мацуока ликвидировать концессии могло быть воспринято как нарушение Пакта о нейтралитете и подвигло бы СССР на оказание помощи США и Англии. Переговоры, которые с японской стороны вёл Н. Сато, длились около 8 месяцев и завершились 30 марта 1944 г. подписанием протокола о ликвидации угольной и нефтяной концессий. С учётом складывающейся международной обстановки, прежде всего неблагоприятного для стран «оси» положения на фронтах Второй мировой войны, председатель Тайного совета К. Исии оценил подписание протокола как замечательный успех японской дипломатии и с похвалой отозвался о Н. Сато в присутствии императора [8, р. 157].

Успешность этого шага в глазах японцев определялась следующим. Во-первых, соглашение было обусловлено одновременным подписанием документа об оставлении в силе на пять лет советско-японской конвенции 1928 г., в соответствии с которой за японской стороной сохранялось право на беспощадный лов рыбы и крабов на ряде участков советских территориальных вод. Во-вторых, в соглашении указывалось, что оно подписывается во исполнение договорённостей, достигнутых в связи с Пактом о нейтралитете между СССР и Японией 1941 г., то есть косвенно подтверждалось

обязательство СССР не вступать в войну против Японии на стороне своих союзников [8, p. 157].

Параллельно переговорам по возвращению концессий министр иностранных дел М. Сигэмицу предпринял несколько попыток подтолкнуть Советский Союз к сепаратному миру с Германией, для чего предлагал направить в Москву особую высокую миссию. С такой инициативой Токио выступил в сентябре 1943 г. Во-первых, за счёт этого японские правящие круги рассчитывали в случае достижения перемирия на советско-германском фронте облегчить стратегическое положение Германии. Во-вторых, согласие советского правительства означало бы нарушение своих союзнических обязательств и, возможно, привело бы к развалу антигитлеровской коалиции. В обоих случаях Япония надеялась обезопасить себя от вступления СССР в тихоокеанскую войну [1, p. 461]. Этим были продиктованы постоянные и недвусмысленные намёки и разговоры японцев о желательности более прочного укрепления нейтральных отношений с превращением Пакта о нейтралитете в Пакт о ненападении [5, p. 182]. Инициативы М. Сигэмицу в 1943 г. были отклонены советским правительством, не заинтересованном в переговорах с Берлином.

В апреле 1944 г. министр передал через Н. Сато пожелание направить в СССР спецмиссию для обсуждения путей улучшения двусторонних отношений, в том числе заключения торгового договора и решения пограничных вопросов. Сам Н. Сато был против идеи подобной миссии, равно как не поддерживал он и точку зрения тех, кто считал недостаточным существование Пакта о ненападении и хотел договора, который бы гарантировал больше безопасности и других преимуществ для Японии [10, p. 253]. Как и предсказывал Н. Сато, В. Молотов не принял японское предложение, так как подобная миссия вызвала бы подозрения союзников.

В начале сентября 1944 г. М. Сигэмицу предпринял ещё одну попытку, на этот раз планируя направить в Москву бывшего премьер-министра К. Хирота, в 1930-е годы занимавшего пост посла в СССР и считавшегося одним из лучших экспертов по России.

В. Молотов отклонил и это предложение, так как появление подобной миссии в Москве было бы истолковано в стране и за рубежом как постановка вопроса о мире между СССР и Германией, который уже выдвигала Япония в 1943 г. На встрече с В. Молотовым Н. Сато упорно доказывал, что цель миссии состоит в укреплении и дальнейшем развитии отношений, однако сам он смотрел на эту идею пессимистично и считал её свидетельством того, что японское правительство находится в растерянности.

В начале 1945 г. внешнеполитическое и военное положение Японии начало ухудшаться, в январе американцы совершили первую высадку на японскую территорию; стало ясно, что поражение Германии является вопросом нескольких месяцев. Это обусловило попытки правящих кругов Японии нащупать пути, которые могли бы привести к достижению компромиссного мира. Соответствующий зондаж шёл с начала 1945 г. по трём направлениям: попытки заключить сепаратный мир с чанкайшистским Китаем; начать переговоры о мире с США и Великобританией; и, наконец, использовать СССР в качестве посредника в подобных переговорах или хотя бы удержать его от вступления в войну [6, p. 234].

Ещё в феврале-марте 1945 г. японцы неоднократно в частных беседах давали понять русским желательность посредничества Москвы. Продолжали они надеяться на помощь СССР и после денонсации Советским Союзом Пакта о нейтралитете в апреле 1945 г. В Японии рассчитывали на то, что Пакт продолжит действовать ещё год, заручившись заверениями советской стороны в том, что отношения останутся прежними. 14 мая 1945 г. Высший совет по руководству войной поручил МИД осуществить ряд дипломатических шагов с целью: 1) предотвратить вступление Советского Союза в войну против Японии; 2) добиться благожелательного отношения СССР к Японии; 3) добиться мира с Англией и США при посредничестве СССР [5, p. 281].

Правительство возлагало надежды на переговоры К. Хирота, в ходе которых предполагалось прозондировать позицию советского посла Я. Малика по вопросу возможного посредничества. В ходе переговоров, которые начались 3 июня 1945 г., японская сторона выдвинула предложение заключить двустороннее соглашение о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и о ненападении. Тем временем Н. Сато всё более отчётливо осознавал, к чему движется Япония, и удивлялся наивности К. Хирота и С. Того, которые на переговорах с Я. Маликом обсуждали судьбу Маньчжурии, в то время как Япония была перед лицом катастрофы. По мнению дипломата, в условиях, когда необходимо срочно действовать, правительство тратило целый месяц на «детские игры» [10, p. 269]. Из последующего разговора с В. Молотовым Н. Сато понял, что нарком не испытывает особого интереса к переговорам Хирота–Малик, а сами переговоры свелись к прощупыванию взаимных позиций.

Всё это время посол предупреждал центр об опасности неверной оценки ситуации. Так, 8 июня Сато писал Г. Морисима в Токио: «В нужный момент СССР может внезапно отказаться от нейтралитета, и Красная Армия может выступить против Квантунской армии в Маньчжурии. Продолжение сопротивления могло бы быть возможным ранее, но в нынешних условиях оно нереально. Авианалеты на Японию будут усиливаться, если СССР вступит в войну и предоставит Великобритании и США военно-воздушные базы в Сибири» [10, p. 268].

Поскольку встречи К. Хирота с Я. Маликом не имели никаких политических последствий, в июле 1945 г. японская стороны перенесла основные усилия в Москву, пытаясь в преддверии поездки И. Сталина и В. Молотова на Потсдамскую конференцию заручиться их согласием на приезд в Москву высокой миссии, возглавляемой специальным представителем императора принцем Ф. Коноэ.

Н. Сато считал, что в условиях, когда сама Япония не демонстрирует твердой решимости прекратить войну, будет невозможным убедить Советский Союз выступить на стороне Японии. «Сегодня, когда вражеские авиарейды участились и усилились, есть ли смысл демонстрировать оставшиеся силы к сопротивлению или приносить в жертву сотни или тысячи солдат и миллионы невинных жителей...» – писал он С. Того 12 июля [17, № 587 от 12.07].

13 июля Н. Сато, следуя инструкции из Токио, передал В. Молотову намерение императора прекратить войну и направить в Москву Ф. Коноэ. В телеграммах на родину посол писал, что у Японии нет выбора, кроме как принять безусловную капитуляцию или что-то близкое к этому [16, p. 758]. Предложение о мире должно было означать согласие

с большей частью условий противника, за исключением защиты основополагающего характера японской формы правления [17, № 1427 от 20.07]. Посол предупреждал, что русские не будут рассматривать японское предложение, если оно будет состоять из абстракций и красивых пустых фраз [17, № 587 от 12.07]. Как и опасался Н. Сато, 18 июля Лозовский ответил, что мирная инициатива не включала конкретных предложений, не была ясна и цель миссии Ф. Коноэ.

20 июля Н. Сато отправил в Токио длинную телеграмму, в которой бесстрашно высказывал резко противоречащие правительственным оценкам взгляды на судьбу своей страны. Он писал: «Поскольку реальных шансов на успех больше не осталось, я полагаю, что долг государственных деятелей состоит в спасении нации, скорейшем принятии решения сложить оружие... Неизбежно то, что народ будет вынужден долгое время находиться под тяжёлым гнетом со стороны противника, зато нация продолжит существование, и через несколько десятилетий мы сможем восстановить наше былое процветание» [17, № 1427 от 20.07].

В Токио продолжали категорически отрицать вариант безоговорочной капитуляции, а телеграммы из Москвы вызвали негодование. Фразы о том, что усилия бесполезны, что Японию ждёт судьба Германии, если она не сдастся, что СССР нападёт на Маньчжурию после 1 августа и что Японии следует готовиться к безоговорочной капитуляции, не способствовали популярности Н. Сато ни в МИД, ни в правительстве [9, р. 16]. Посла обвиняли в ненадёжности и соглашательстве, и требовали от С. Того его замены, однако С. Того доверял Н. Сато и не мог заменить его в разгар попыток нащупать пути выхода из войны.

25 июля Н. Сато вновь встретился с С. Лозовским, передав ему слова С. Того о том, что поездка Ф. Коноэ преследовала цель разъяснить конкретные намерения Японии по прекращению войны и налаживанию послевоенного сотрудничества между Японией и СССР. А на следующий день была опубликована Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая, призывавшая Японию к немедленной безоговорочной капитуляции.

Декларация вызвала большое смятение в Японии. Министр иностранных дел предлагал не отклонять декларации, а продолжить её изучение. Руководители армии и флота считали, что в то время, когда японские войска ещё оккупируют огромные территории за пределами Японии, говорить о капитуляции преждевременно. В ожидании ответа от СССР премьер-министр К. Судзуки выступил с заявлением о том, что Токио игнорирует ультиматум Потсдамской декларации.

Повторные попытки выяснить у С. Лозовского отношение к поездке Ф. Коноэ не увенчались успехом. Н. Сато полагал, что Сталин не чувствовал никакой необходимости в достижении договорённости с Японией. Посол писал в Токио, что если Сталин не сможет поколебать решимость США и Великобритании, настаивающих на безоговорочной капитуляции на условиях, указанных в Потсдамской декларации, то попытки организовать японскую миссию будут тщетными [17, № 1480 от 30.07]. Несмотря на старания дипломата донести до руководства мысль о том, что СССР не получит никакой выгоды из содействия Японии, в Токио продолжали упорно считать, что СССР придёт им на помощь.

Узнав, что В. Молотов вернулся из Берлина 6 августа, Н. Сато немедленно стал запрашивать встречу, однако был принят только 8 августа. На этой встрече нарком СССР объявил о присоединении к Потсдамской декларации и о том, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. Н. Сато был готов к худшему, однако до последнего не терял надежды на то, что Москва согласится на посредничество, поэтому известие о том, что СССР вступает в войну против Японии, стало для него шоком.

После войны

Вернувшись в посольство, Н. Сато сообщил своим подчинённым о том, что отныне все они являются интернированными. Хотя их свобода и сообщение с внешним миром были ограничены, в целом условия пребывания оставшихся в СССР японцев были довольно мягкими, по отношению к ним не было ни насилия, ни ненависти [10, p. 297].

Н. Сато было разрешено вернуться в резиденцию, а дипломаты и корреспонденты, жившие в гостинице Метрополь, переехали в посольство. В посольстве они могли читать только российские газеты – «Известия» и «Правду», поэтому ни Н. Сато, ни остальные не осознавали чудовищных последствий атомных бомбардировок. Новость о капитуляции и оккупации Японии произвела на бывшего посла удручающее впечатление. По его воспоминаниям, было такое чувство, будто он был пронзён мечом и полностью обескровлен [4, p. 501].

Необходимость заботиться о подчинённых отвлекала Н. Сато от тягостных размышлений. Раз в месяц ему было разрешено телеграфировать в Токио о здоровье сотрудников. Жизнь посольства была чётко организована, поскольку никто не знал, когда они вернутся в Японию. Все обитатели посольства распределяли обязанности, по очереди занимаясь покупками, уборкой и готовкой. Участвовал в этом и сам Н. Сато, помогая подметать и чистить большой зал своей резиденции, отведённый под столовую. Чтобы занять людей, Н. Сато организовал бильярдные турниры, поэтические конкурсы, обсуждение мировых проблем. Выпускались даже собственные газеты – «Хати Хати симбун» («Газета 8 августа»; 8 августа – день объявления СССР войны Японии) и «Фукко симбун» («Возрождение»). Раз в месяц выходил литературный журнал «Боруга» («Волга»), почти в каждом номере которого появлялись и хайку, написанные самим Н. Сато.

8 апреля 1946 г. японцы получили известие о том, что будут репатрированы. Хотя посольство и резиденция подлежали конфискации, сотрудникам было разрешено взять с собой личные вещи. 30 мая Н. Сато прибыл в Токио. По возвращении бывший посол посетил императора с докладом о своём пребывании в СССР. Он был удивлён, когда через несколько дней его вновь вызвали к императору. Содержание этой беседы так и осталось тайной, однако посол вспоминал, что Хирохито чувствовал себя очень одиноко, ведь многие из его окружения погибли или находились в тюрьме Сугамо.

После завершения дипломатической карьеры Н. Сато не перестал участвовать в политической жизни. В то время как многие чиновники высокого ранга были отстранены от участия в политике, он стал одним из немногих высокопоставленных ветеранов МИД, признанных Генеральным штабом оккупационных войск не причастными к преступлениям

милитаризма. К тому же знание иностранных языков и традиций стран Запада, безусловно, создавало благоприятные условия для его дальнейшей карьеры. Такие высокопоставленные дипломаты, как С. Ёсида, К. Сидэхара, М. Сигэмицу, Х. Асида, заняли руководящие позиции в послевоенной Японии. Вскоре Н. Сато получил предложение от С. Ёсиды возглавить Институт подготовки дипломатических служащих, созданный для обучения нового поколения дипломатов к тому времени, когда Япония вновь получит независимость и восстановит отношения с миром. Также он согласился занять место в Тайном совете.

В процессе демократических реформ происходила перестройка институтов власти. Н. Сато решил принять участие в первой послевоенной предвыборной кампании в новый парламент, выдвинув свою кандидатуру в Палату советников от префектуры Аомори, родины его предков. Позже Н. Сато стал председателем небольшой независимой внепартийной ассоциации «Рёкуфукай» («Общество зелёного ветра»). В первые годы своего существования «Рёкуфукай» быстро разрослась (в 1950 г. в неё входили 97 человек) и достигла ощутимого влияния в Палате советников, однако после объединения консервативных сил в 1955 г. её влияние стало уменьшаться.

В верхней палате парламента Н. Сато возглавлял Комиссию по международным делам. После смерти своего давнего друга, бывшего дипломата Ц. Мацудайра, Н. Сато был избран председателем Палаты советников. В Палату советников он избирался три раза и проработал в ней в общей сложности 18 лет.

После войны Н. Сато проявил себя ещё на одном поприще общественной деятельности, которое было связано с его опытом работы в Лиге наций. Долгие годы он поддерживал контакты с группой бывших коллег по работе в Женеве, и когда они 17 декабря 1947 г. вошли в состав Японской Ассоциации ООН, Н. Сато предложили возглавить эту организацию. Он занимал пост председателя Ассоциации с 1947 по 1970 г.

Несмотря на преклонный возраст, Н. Сато продолжал пользоваться вниманием общественности. Его вклад в дело поддержания международного мира был оценён в октябре 1970 г., когда ему была вручена Премия Мира Кадзима. Вышедший в следующем месяце номер журнала «Кокусай дзихё» («Международные вопросы») был посвящён деятельности этого дипломата и политика.

Н. Сато скончался от сердечной недостаточности 18 декабря 1971 г. в возрасте 89 лет. Среди тех, кто пришёл в его дом выразить соболезнования семье, был представитель императорского двора. Это ещё раз свидетельствовало о том, каким авторитетом и уважением Н. Сато пользовался в своей стране.

* * *

Н. Сато стал свидетелем и непосредственным участником одного из самых драматичных периодов японской истории. Он был частью той государственной машины, которая привела Японию к краху, однако даже в сложившихся условиях он стремился последовательно продвигать либеральные ценности. На каком бы посту ни находился Н. Сато, он не боялся отстаивать свою точку зрения, считая стремление к миру и взаимовыгодному сотрудничеству главным национальным интересом своей страны.

Заслуга Н. Сато состояла в том, что благодаря его дипломатическому таланту в разгар войны Токио и Москве удавалось сохранять стабильные хорошие отношения. Решались непростые практические вопросы двустороннего характера. Высокую оценку работе Н. Сато дал наркоминдел СССР В. Молотов. По словам В. Молотова, в период пребывания Н. Сато на посту посла в Москве между странами установились нормальные отношения, хотя раньше было немало недоразумений [5, с. 247].

Однако реалии того времени сужали поле для дипломатических манёвров, и, в конечном счёте, другие соображения стратегического характера определили исход войны. На посту посла в СССР Н. Сато трезво оценивал ситуацию и стремился сделать всё от него зависящее, чтобы избежать ещё больших жертв. Возможно, если бы его голос был услышан, не произошло бы трагедий Хиросимы и Нагасаки, удалось бы сохранить сотни тысяч человеческих жизней.

Библиографический список

1. Жуков А. История Японии. М., 1998.
2. Молодяков В. Эпоха борьбы Сиратори Тосио: дипломат, политик, мыслитель. М., 2006. С. 194.
3. Курихара Кэн. Сато Наотакэ-но мэмбуку : [Честь Сато Наотакэ]. Токио, 1981.
4. Сато Наотакэ. Кайко хатидзю нэн : [Восемьдесят лет воспоминаний]. Токио, 1963. С. 116.
5. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Дипломатическая история 1941–1945 гг. М., 1995.
6. СССР и Япония. М., 1987.
7. Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. С. 395–396.
8. Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы. М., 2006.
9. L. Brooks. Behind Japan's surrender. McGraw Hill, 1968.
10. G. Gubler. The diplomatic career of Sato Naotake (1882–1971): a samurai in western clothing (PhD diss., Florida State University, 1975).
11. T. Hasegawa. Racing the enemy. Stalin, Truman, and the surrender of Japan. Cambridge, London. 2005.
12. A. Irie. The origins of the Second World War in Asia and the Pacific. Routledge. London and New York, 2013.
13. G.A. Lensen. Japanese recognition of the U.S.S.R.: Soviet – Japanese relations, 1921–1930. Tokyo. 1970.
14. G.A. Lensen. The strange neutrality. Soviet-Japanese relations during the Second World War 1941–1945. The diplomatic press. 1972.
15. I. Nish. Japan's struggle with internationalism: Japan, China, and the League of nations. Routledge, 1993.
16. J. Toland. The rising sun. The decline and fall of the Japanese empire. 1936–1945. London, 1970. P. 758.

17. Peace feelers through the Soviet Union // Foreign relations of the United States: diplomatic papers, the conference of Berlin (The Potsdam conference), 1945. Volume 1 – Office of the Historian. Department of state. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Berlinv01/ch11subsubch1> (дата обращения: 12.07.2017); Project of the nuclear age peace foundation. URL: <http://nuclearfiles.org/menu/library/correspondence/togo-sato.html> (дата обращения: 12.07.2017).

Поступила в редакцию 13.07.2017

Автор:

Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД России, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: doa_78@mail.ru

Sato Naotake: the Way of a Diplomat

O.A. Dobrinskaya

The article covers the biography of Sato Naotake, a prominent Japanese diplomat and statesman. He is mostly known in Russia as the last ambassador of militarist Japan in the Soviet Union. However, his career was much more comprehensive and noteworthy. Sato Naotake had become witness to the most dramatic period in the history of Japan, being a participant in many world events that had an effect on shaping Japan's development up to 1945.

Keywords: Sato Naotake, diplomacy, Japan, Russia, USSR, League of Nations, Second World War.

Received 13.07.2017

Author:

Dobrinskaya Olga A., PhD, Senior Lecturer at the Diplomatic Academy MOFA of Russia, Research Fellow at the Institute of Oriental Studies. E-mail: doa_78@mail.ru